

К Н И Г И

Максима Шаттама,

опубликованные Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Парижский отдел расследований

Союз хищников

•

Иллюзия

МАКСИМ ШАТТАМ

ИЛЛЮЗИЯ



Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
III 29

Maxime Chattam
L'ILLUSION
Copyright © Éditions Albin Michel, 2020
All rights reserved

Перевод с французского Марианны Таймановой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-24911-0

© М. Е. Тайманова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Чтение книг, как и их написание, требует ухода от реального мира. Что может быть лучше, чем, облегчая себе задачу, закутаться в какой-то музыкальный кокон?

Вот основные альбомы, которые я слушал, когда сочинял эту историю:

саундтрек Криса Бэкона к телесериалу «Мотель Бейтса»;

саундтрек группы *The Newton Brothers* к фильму «Доктор Сон» (2019);

саундтрек Джерри Голдсмита к фильму «Основной инстинкт»;

саундтрек Бена Фроста к телесериалу «Тьма».

Рекомендуемый плейлист для Валь-Карьоса — пусть он зазвучит и для ваших ушей!

А если хотите завершить чтение этого романа так, как я его дописывал, начиная с 75-й главы, — саундтрек к «Доктору Сну», трек 36 («We Go On»), и так по кругу до последних строк...

Удачи вам.

Великая ложь о личном бессмертии разрушает всякий разум, всякую естественность в инстинктах; все, что есть в инстинктах благодетельного, что способствует жизни, ручается за будущее, — возбуждает теперь недоверие. Жить *так*, чтобы не было более *смысла* жить, — это становится теперь «смыслом» жизни...

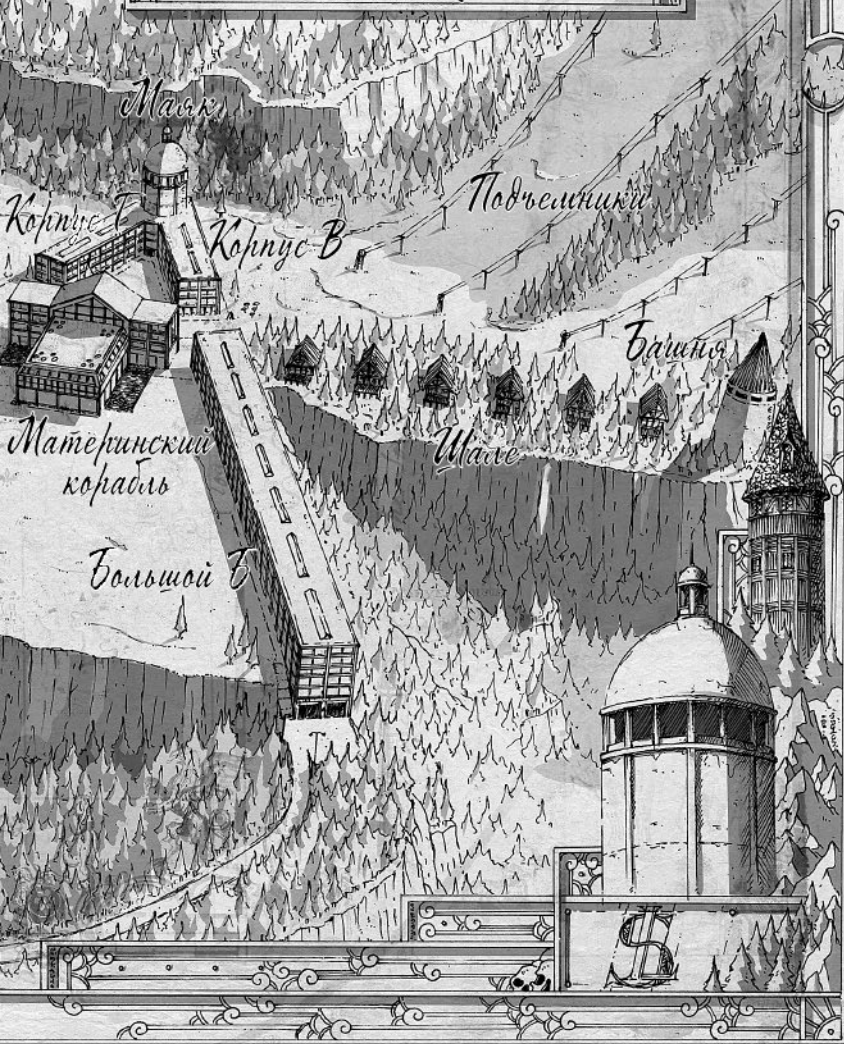
Я называю животное — род, индивидуум — испорченным, когда оно теряет свои инстинкты, когда оно выбирает, когда оно *предпочитает* то, что ему вредно.

*Фридрих Ницше. Антихрист*¹

¹ Перев. В. Флёровой.



План Валь-Карьоса



ПРОЛОГ

В зале пахло свежим воском и деревянными декорациями; бархат сидений хранил в себе столько же запахов, сколько перевидал зрителей, а прожекторы, нагревая воздух, еще усиливали их букет, выявляя самые тонкие оттенки: гримировальную пудру и клей на театральных костюмах и все те почти неуловимые ароматы, которые исходят от закулисы. Пьянящая алхимия театральных запахов уже невольно подогревала нетерпение публики до того, как поднимется занавес.

Возбужденные зрители ожидали начала представления, испытывая еще больший восторг оттого, что оказались в числе избранных, привилегированных, заслуживших честь попасть на это шоу, поскольку Люциен Страфа́ выступал без объявлений, без рекламы в газетах или даже по радио, афиш его концертов тоже не расклеивали, и, чтобы следить за новостями, необходимо было знать кого-то из посвященных. Сарафанного радио хватало, чтобы целиком заполнить зал, — ни одно его выступление не проходило без ажиотажа.

Так было и с репутацией величайшего из фокусников, когда-либо вышедших на сцену. Поговаривали, будто его успех вырвался далеко за пределы Франции и достиг Нью-Йорка, Лас-Вегаса, Токио и даже, кажется, СССР, несмотря на дипломатическую напряженность между странами.

Внезапно погас свет, курильщики затушили сигареты о пол, и в мертвой тишине взвился занавес.

Посреди сцены, огромный в своем черном костюме, спиной к залу, воздев руки к потолку и сжав кулаки, стоял Люциен Страфа.

Потребовалось больше десяти секунд, прежде чем зрители изумленно ахнули, осознав, что фокусник, сохраняя идеальное равновесие, парит в воздухе — двадцать сантиметров, не меньше, отделяют его подошвы от пола.

И в лучах ламп, что высвечивали вьющийся легкий дымок, не было видно никаких тросов.

Затем Страфа почти гневным жестом разжал кулаки, все прожекторы разом взорвались, засыпав сцену стеклянными осколками, и зрители одновременно вскрикнули в единодушном потрясении.

В следующее мгновение Страфа коснулся ногами подмостков и медленно опустил руки. Фитили масляных фонарей вспыхнули один за другим, обозначив за спиной фокусника стену, заполнившую весь задник, многочисленные квадратные зеркала усиливали блеск фонарей, образовав за несколько секунд огромное прозрачное пространство, переливающееся янтарными и серебряными всполохами.

В нем множилась, уходя в бесконечность, фигура Люциена Страфа.

Реальный Страфа повернулся лицом к зрителям.

Еще молодой, нет и тридцати; копна зачесанных назад черных волос, впалые щеки и выдающийся подбородок. Но его харизма, магнетизм блестящих глаз не зависели от возраста. Те, кто сперва надеялся встретиться с ним взглядом, отводили глаза, когда он смотрел в их сторону. В том, как расширялись его зрачки, становясь круглыми и лихорадочными, когда он смотрел на вас

дольше нескольких секунд, чувствовалась какая-то контролируемая целеустремленность, а вас охватывала тревога, как будто его безумие могло быть заразным. Первые ряды облегченно вздохнули, когда он наконец отступил назад, чтобы смерить взглядом лежавшую перед ним темную впадину зала.

Его левая рука медленно поднялась в странном жесте, за ней последовала правая, — казалось, что обе они словно плавают в какой-то жидкой среде. Затем аналогичное движение проделали ноги Страфа, и он взлетел, увлекаемый невидимым ни для кого потоком, поднялся на высоту более полуметра, снова прибегнув к левитации, на сей раз походившей на течение, которое несло тело по призрачной реке.

Ошеломленные зрители затаили дыхание.

Масляные лампы светили все ярче и ярче, пока в зеркалах не отразилась стена, ослеплявшая, подобно солнцу в летний полдень, оставив Страфа плавать в этом золотом расплывчатом вареве, а сидевшие в зале, не выдержав, стали закрывать глаза рукой, шляпой или шарфом.

Лампы внезапно вернулись к своему обычному свечению, а толпа все еще не могла прийти в себя.

Страфа исчез. Его нигде не было видно.

Возле дверей, за спинами зрителей, раздались голоса, все обернулись и увидели Люциена Страфа, уверенно шагающего по центральному проходу.

Он пристально всматривался в тех, кто оказывался рядом с ним, и от его взгляда начинала кружиться голова; когда он приближался, зрители судорожно сглатывали и учащенно дышали. Страфа кого-то искал.

Руки зрителей, сидящих недалеко от прохода, стали подниматься и зажимать рты и носы.

А запах быстро распространялся.

Едкий. Резкий.

Фокусник распространял вокруг себя запах серы.

Он остановился перед женщиной, сидевшей очень прямо, словно сопротивляясь тому, что он посмел ее удивить. Страфа смерил ее взглядом, уголки его губ приподнялись в жестокой усмешке. В полумраке белки и черные зрачки его глаз странно сливались.

Он наклонился к женщине и так яростно оскалил зубы, что, казалось, готов был ее проглотить. У него во рту вспыхнули языки пламени, и зрители в страхе отшатнулись. Страфа довольно усмехнулся и вернулся на сцену под гул встревоженной публики. Да, репутация этого человека не была выдумана. Он уникал. Ошеломляющий. Непревзойденный. Мир разделился на две части: тех, кто видел, как Люциен Страфа заволаживает своими тайнами, и всех остальных. Вернувшись в центр сцены, маг выждал, пока вновь воцарилась тишина. Напряжение было ощутимым. На что еще он способен? Как он это делает? И самое главное: как далеко он может зайти?

Вернув себе полное внимание аудитории, он сцепил пальцы на животе и опустил голову. Глубокая концентрация. Долгие минуты ожидания, страха перед худшим, замороженные мужчины и женщины прижимались друг к другу чуть теснее.

Затем Страфа медленно, очень медленно, закрыл глаза, поднял голову. Земля задрожала, затем послышался глухой гул, нарастающее гудение, идущее из недр земли. Многие вскрикнули. Звякнули стеклянные колпаки настенных светильников, бешено взвился край занавеса, закричали страфонты, полетели на пол шляпы, а шум, поднимавшийся из бездны, все приближался; это не мог быть поезд метрополитена, звук был гораздо более громким, гулким и пугающим. Казалось, нечто огром-

ное вот-вот опрокинет театр, разрушит его фундамент и поглотит всех присутствующих.

Страфа открыл глаза, раскинул руки, и по щелчку его пальцев глухой рев так же мгновенно затих, масляные лампы разгорелись, опустился занавес, и на этом первое действие закончилось.

Так родилась легенда о Люциене Страфа. Величайшем фокуснике, когда-либо выступавшем перед смертными.

У сидевших в первых рядах растерянных и почти до смерти перепуганных зрителей носом шла кровь.

А ведь это было только начало представления.

«Говорят, любовь длится три года и этого вполне достаточно, чтобы досконально изучить партнера. Мы с тобой вместе уже больше семи лет, и я больше не могу быть твоим приложением».

Эта фраза не выходила у него из головы.

Она звучала снова и снова, стоило ему увидеть афишу с изображением женщины, встретиться взглядом с проходящей мимо девушкой или услышать мелодию из своего плейлиста, напоминавшую об их прежней жизни. Вообще-то, эта фраза почти не имела смысла, она была бы уместнее в каком-нибудь телесериале или романе. Впрочем, Югб подозревал, что его напичканный клише и общими местами ум тоже мог бы сотворить нечто подобное, вздумай он написать что-нибудь на тему разлуки, но вот уже несколько месяцев он совсем ничего не писал.

Однако в тот роковой день именно так она и сказала, слово в слово. Он помнил каждую ее интонацию, каждый вздох. По правде говоря, дышала только она, Люси. Он же пребывал в каком-то подвешенном состоянии. У него перехватило горло, словно дыхание могло привнести реальность в происходящее, а вот если ему удастся только притвориться, что он живет, тогда всего этого не случится, слова останутся чем-то эфемерным,

не имеющим никакого воздействия на окружающий его мир.

Но в конце концов он набрал в легкие воздуха.

И все сразу потеряло смысл.

Теперь он совсем ничего не понимал. И хотя он полностью исполнял отведенные ему функции, он все равно лишь скользил по жизни, находился здесь мимоходом, везде — даже внутри самого себя.

Три месяца, чтобы освободить общую квартиру, вернуть ключи, вдрызг разругаться из-за какой-то купленной ими совместно картины или цветка. К коту это не относилось. Юго оставил его Люси. Он не чувствовал, что способен сейчас любить, даже кота, а несчастное животное заслуживало большего.

Три месяца постоянного падения, а дно так и не достигнуто; Юго не предполагал в себе подобной глубины и в других обстоятельствах мог бы даже этим гордиться. В нем таились такие бездны, что одно их созерцание могло бы восхитить и Ницше. Но было ли это действительно триумфом? Самые высокие вершины планеты известны каждому, а вот кто назовет самые неведомые ее впадины? Какую славу способна принести тьма? Только мрак и холод. Торжественные атрибуты смерти. Юго чувствовал, что заполнен ими.

Это были самые тяжелые три месяца из всех пережитых им. С катастрофическими результатами.

Семь лет отношений, подытоженных какими-то вымученными упреками. Люси не желала больше служить ему эмоциональной подпоркой, не желала постоянно кружиться в орбите его бесконечно сменяющихся притязаний — она стремилась оказаться в другой атмосфере, чтобы раскрыться и расцвести там. Он никогда не позволял Люси войти в свой мир, держал ее на расстоянии, не давая понять, кто он на самом деле,

отказывался целиком впустить ее в свою жизнь. И в этом смысле она была права. Он пользовался своей харизмой, чтобы держать Люси рядом, не позволяя зацепиться, посеять что-то полезное, вместе что-то создавать. И теперь, когда она изучила его вдоль и поперек, она поняла, что так будет лучше. Юго создавал токсичную атмосферу.

Когда слышишь подобное от того, кого любишь, с кем в течение семи лет столько пережито, это как если бы нажали на красную ядерную кнопку.

Люси ушла, оставив за собой выжженное поле, и даже три месяца спустя радиоактивность ее слов все еще разъедала его существо.

Юго вел себя с ней как тщеславный эгоист, абсолютно уверенный в том, что достаточно одного его обаяния, чтобы получить желаемое, ничего при этом не делая, ничего не давая взамен. Полностью заикленный на своих успехах или, по крайней мере, на своих попытках.

И вот теперь он один и с ужасом осознает, что дальше будет еще хуже. Ему некуда излить свое горе. Тридцать четыре года, но ни актерская, ни литературная карьера так до сих пор и не задалась. Он являл собой лишь набор слов, которые никто не слушает и не читает. Его мелкие приработки ради пропитания заканчивались сплошными неудачами. Он постепенно растерял всех друзей. Сперва друзей детства, когда, лелея грандиозные планы, уехал из Нормандии сразу по окончании лицея, потом тех, с кем сблизился здесь, в столице; случайных знакомых, «коллег», неудачников, конкурентов, талантливых, но забывчивых, — таких было великое множество. Но удержал немногих. Оглядываясь назад, он признавал, что потерял лучших из них по собственной вине, не уделяя им большого внимания. Люси

права. Он вовлек их в свою орбиту, сделав их спутниками, но не дав права приблизиться. Рикошетом, сталкиваясь между собой или оказавшись во власти иного внеземного притяжения, многие от него отделились. Осталась лишь горстка таких же, как он, едва способных наблюдать друг за другом на расстоянии, не пересекаясь, а скорее догадываясь.

Он испытывал горечь оттого, что его бросили в том возрасте, когда другие пары уже строят семью на фундаменте своих отношений. Но окончательно его добило осознание того, в какого «ублюдка» он превратился. Он не был подлецом по природе и никогда к этому не стремился, как, впрочем, и не старался быть центром вселенной; все произошло как-то незаметно, из-за мелких упущений, уступок, постоянной работы над собой, когда *его* персона была в центре внимания. Он упустил из виду самое главное — другого человека. И именно эти чудовищные открытия страшнее всего угнетали его, стоило ему лишь задуматься. Осознать, что он отвергнут сам себе.

И тогда он все бросил. Абсолютно все. Кроме холщового рюкзака, где хранились его последние связи с реальным миром.

Юго наткнулся на объявление в интернете, на музыкальном дискуссионном форуме — сайте, где он проводил долгие часы по ночам с единственной целью так или иначе дотянуть до утра. Один из пользователей форума, которому он признался, что оказался профессионально в полном ауте, дал ему ссылку на объявление, мелькнувшее на каком-то новостном сайте. Оно было опубликовано внутри статьи о необычных работах летом. Горнолыжный курорт искал разнорабочего для летнего обслуживания комплекса. «Уединенное место, почти полное отсутствие контактов с внешним

миром», — гласил текст. Именно это и побудило Юго подать заявление.

Ответ, полученный уже на следующий день, с просьбой уточнить некоторые детали, вызвал в нем какие-то эмоции, и это показалось ему необычным. Значит, он все еще способен что-то ощущать. Он испытал... *любопытство*. Это было хорошим признаком, зародышем желания, и Юго провел вечер, сидя на кровати в номере снятого в Монтрее отеля, заново переживая этот вкус к какому-то медленно возрождавшемуся чувству. А из нетерпения возникла и мотивация. Это было приятно. Они позвонили ему через двое суток. Юго без зазрения совести солгал о своей квалификации. Сказал, что, в принципе, он смекалистый, рукастый, может справиться с бензопилой или залезть на дерево, если потребуется. Еще два телефонных собеседования, одно из которых было целиком посвящено его психическому состоянию, чтобы оценить способность продержаться пять месяцев там, в горах, почти ни с кем не общаясь, и в които веки пригодился его актерский опыт: он получил работу. Отъезд — самое позднее, через две недели.

Впервые за три месяца он смог выдавить из себя улыбку. Он уже не помнил, как это делается, но его лицу так понравилось, что он постарался удержать ее подольше.

Несколько ночей глубокого сна, будто эта надежда наконец-то успокоила его подсознание. Долгое ожидание, когда он не мог читать или хоть чем-то заняться, только изнурял свое тело спортом или тупел от дурацких телепередач. Он даже лишился доступа к *Netflix*: это был аккаунт его бывшей, и меньше всего ему сейчас хотелось увидеть ее имя в главном меню.

Дату отъезда ему сообщили в конце недели. Оставалось еще несколько дней. Он был готов.

Накануне он почти не спал. Размышлял о том, что ждет его впереди, как эта ссылка повлияет на его возвращение к жизни.

Проходя рано утром по Лионскому вокзалу, он почувствовал легкое головокружение, почти панику. Волнение. Но оно тут же улеглось. В течение нескольких минут он был не в состоянии испытывать положительные эмоции. Но это заботило его совсем недолго; даже опасения представлялись ему сейчас чем-то сложным. Оправится ли он когда-нибудь? Конечно. Просто нужно время.

И возможно, удаленность.

Когда высокоскоростной поезд покинул Париж, Юго внимательно пригляделся к многочисленным теням, собравшимся у выхода из тоннеля. Ему показалось, что многие из них — его собственные.

Юго открыл глаза, когда на подъезде к Валансу¹ завизжали тормоза. Воздух на платформе был свежее, чем в Париже. И каким-то более душистым. *Каким-то настоящим*, подумал он, прежде чем понять, что это меняется он сам. Он раскрывался жизни. Он укоренялся на земле, его эмоции пробуждались. *Не расслабляйся, сегодня вечером ты окажешься в выкрашенной жухлой краской одиннадцатиметровой клетушке без окон и снова впадешь в депрессию, спрашивая себя: «А что я здесь забыл?»*

Но это его не остановило, а, напротив, слегка разве-селило, и он обескураженно улыбался: даже сейчас он, хотя совсем не пишет, все равно подбирает неизбежные слова. *Жухлая? Ты всерьез?* И если сейчас его беспокоит только это, значит он на верном пути.

¹ Валанс — город во Франции, на скалистом возвышении левого берега Роны. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Шаттам М.

Ш 29 Иллюзия : роман / Максим Шаттам ; пер. с фр. М. Таймановой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 512 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-24911-0

Когда хочешь круто изменить свою жизнь, самый верный путь — бросить все и уехать в глушь, так что добро пожаловать на горнолыжный курорт Валь-Карьос, где на лето остается лишь немногочисленный обслуживающий персонал. Дикая природа, ни души на много километров вокруг — что может быть целебнее для разбитого сердца Юго, только что пережившего тяжелое расставание?

Но с первых же дней Юго начинает замечать, что происходит что-то неладное. На склоне над курортом маячит зловещая усадьба, и ее владелец никогда не показывается на глаза. Юго посещают ужасные видения, чего с ним раньше никогда не случалось. Без следа исчезает его коллега. В лесу таится что-то неведомое, но явно жуткое. Никого, кроме Юго, все это как будто не волнует. Он сходит с ума? Он нечаянно угодил в самое сердце заговора? Или на съемочную площадку «Сияния»? Или, быть может, это страшный фокус? Но кто здесь фокусник, кто простодушный зритель — и кто жертва?

Максим Шаттам — автор детективных триллеров и нуаров, которые расходятся многомиллионными тиражами во Франции и стали бестселлерами еще в двух десятках стран. Шаттам изучал современную литературу и криминологию, поначалу вдохновлялся Стивеном Кингом и Томасом Харрисом, а в итоге стал во французской детективной литературе фигурой, ни в чем не уступающей Жан-Кристофу Гранже и Франку Тилье. Его новый триллер «Иллюзия» постепенно и неотвратно заводит читателя все дальше в беспросветный лабиринт, где за каждым углом таятся чудовища и все новые ловушки, а выхода к свету, возможно, и вовсе нет.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

МАКСИМ ШАТТАМ

ИЛЛЮЗИЯ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Мария Брусовани
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Гузель Зайдуллина, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.01.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685



Y-RBD-33896-01-R